

М. М. Патракеев

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЭРГАТИВНОСТИ И АНОМАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НОМИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена проблеме эргативной типологии языков, а также аномальным конструкциям в современных индоевропейских языках. Анализ кодирования глагольных актантов в таких конструкциях позволяет поставить вопрос относительно номинативной природы рассматриваемых аномалий. В статье приводится обзор типологии грамматического строя, который применяется в анализе типологически аномальных конструкций, на материале языков номинативного строя (русский, английский и немецкий). На основе выявленных параллелей в аномальных конструкциях предлагается их типолого-диахроническая интерпретация.

Ключевые слова: эргативная конструкция, эргативность, эргативный строй, номинативный строй, синтаксическая типология.

М. М. Patrakeevev

THE ISSUE OF ERGATIVITY AND ABNORMAL CONSTRUCTIONS IN NOMINATIVE LANGUAGES

The paper addresses the problem of ergative language typology and also analyses abnormal constructions in modern Indo-European languages. The morphosyntactic alignment analysis of such constructions allows us to question the nominative nature of the abnormal constructions. In this paper, we review the grammar system typology applied to the analysis of the typologically abnormal constructions, based on the examples of such nominative languages as Russian, English and German. We suggest a typological and diachronic interpretation of the abnormal constructions based on the similarities in these constructions revealed in our research.

Keywords: ergative construction, ergativity, ergative alignment, nominative alignment, syntactic typology.

Проблема эргативной конструкции, появившись во второй половине XIX в., стала активно разрабатываться только в XX в., и на сегодняшний день критерий стратегии кодирования глагольных актантов является одним из основных в синтаксической типологии языков. И если лингвистическая типология, определив универсальность грамматического строя и существенные различия конструкций, успешно использует данный критерий в описании языков мира, то проблема, которая появилась вместе с самим понятием эргативной конструкции, а именно проблема генезиса и эволюции грамматического строя, остается малоизученной темой.

Сложность данного рода исследований связана не только с синхроническим описанием языков различных типов, но и с подключением диахронического сопоставления, что зачастую не представляется возможным ввиду отсутствия зафиксированного языкового материала. Однако синхронический анализ современного состояния языков позволяет выявлять типологически характерные и аномальные конструкции. Именно последние зачастую являются реликтами предыдущих системных условий в языке и могут свидетельствовать о произошедших изменениях.

С позиций лингвистической типологии языки принадлежат к одному из двух языковых

строев: номинативному или эргативному [2, с. 335–336]. Строй представляет собой определенную стратегию кодирования глагольных актантов, т. е. то, как глагол взаимодействует с другими членами предложения и какие изменения прослеживаются в грамматике задействованных единиц. Центральное значение в данном аспекте получает глагол, поскольку именно относительно последнего в силу его семантической валентности выстраиваются прочие члены предложения [6, с. 250]. Так, у глагола в зависимости от его возможных актантов — семантически зависимых понятий — могут быть 3 зависимые единицы, а может и вовсе отсутствовать какая-либо связь, что обеспечивает ему ведущую

роль в составе предикации. Например, у русского глагола «дать» может быть до трех актантов: подлежащее (тот, кто дает), прямое дополнение (то, что дают) и косвенное дополнение (тот, кому дают).

Номинативный строй является типологией, в которой предикация осуществляется при помощи номинативной конструкции. Последняя представлена глаголом, относительно которого выстраиваются семантико-грамматические связи: агенс и пациенс. Последние формально выражаются в языке номинативом и аккузативом соответственно. Представить данную конструкцию, конституирующую строй языка, можно следующим образом (рис. 1):

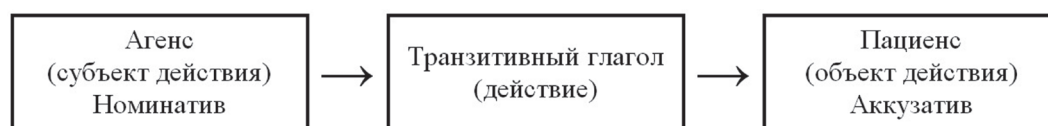

Рис. 1. Схема номинативной конструкции

Номинативный строй рассматривается в качестве типологически характерного для индоевропейских, финно-угорских и семитских

языков. Рассмотрим несколько примеров на материале современных индоевропейских языков (русский, английский и немецкий языки):

(1) <i>Мальчик</i> мальчик[1SG.NOM]	<i>видел</i> видеть-PST.1SG(TR)	<i>кошк-у.*</i> кошка-ACC.SG
(2) <i>The boy</i> ART-мальчик[1SG.NOM] «Мальчик видел кошку».	<i>saw</i> видеть-PST(TR)	<i>a cat.</i> ART-кошка-ACC
(3) <i>Der Junge</i> ART.1SG.NOM-мальчик «Мальчик видел кошку».	<i>sah</i> видеть-PST(TR)	<i>eine Katze.</i> ART.ACC-кошка

В данных примерах используется номинативная конструкция: подлежащее («я», «I» и «ich») в номинативе согласуется с предикатом, выраженным транзитивным глаголом, действие которого переходит на дополнение в форме аккузатива. Как мы можем наблюдать, номинативная конструкция полностью реализуется в индоевропейских языках, обуславливая синтаксические системы последних.

Эргативная конструкция, наоборот, реализуется в языках с *эргативным строем*. В таком строе функционирует иная падежная схема: если в языках номинативного строя

ядро предложения в подавляющем большинстве случаев основано на оппозиции «номинатив — аккузатив», то в языках с эргативным строем реализуется оппозиция «абсолютив — эргатив». Помимо существенных различий в падежной системе, важной грамматической категорией в эргативной конструкции выступает транзитивность, поскольку без переходного глагола подлежащее маркируется в абсолютном падеже. Данный случай можно представить следующим образом (рис. 2).

Изоглоссы эргативной конструкции не имеют точных очагов и проходят в доста-

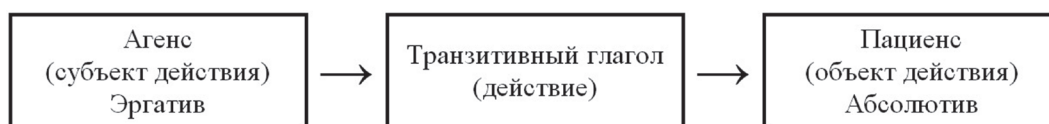

Рис. 2. Схема эргативной конструкции

точно отдаленных друг от друга ареалах. Эргативный строй как отдельная типология представлена в кавказских, австралийских, индейских, эскимосско-алеутских, чукотско-камчатских языках, а также в шумерском и баскском языках, что свидетельствует об

отсутствии генетического аспекта в данной проблематике, однако применимо в типологии и общем языкознании.

Рассмотрим отдельно составные компоненты данной конструкции на примере двух эскимосских предложений (1) и (2) [4, с. 23]:

(4)	<i>Мыкылгѳиха-ѳ</i>
мальчик-ABS
«Мальчик читает лежа».	<i>атихтуѳа-ѳуѳ</i>
читать-3SG(INTR)	<i>иѳаѳми.</i>
лежа
(5)	<i>Мыкылгѳиха-м</i>
мальчик-ERG
«Мальчик читает книгу».	<i>атихтуѳа-ѳа</i>
читать-3SG(TR)	<i>книга.</i>
книга[ABS]

В первом предложении (4) агнс выражен существительным в абсолютном падеже. Поскольку глагол здесь имеет непереходный характер, данная форма суффируется при помощи служебной морфемы «-ѳуѳ», которая маркирует субъект действия. Как мы можем наблюдать, непереходный глагол не требует эргатива, ограничиваясь абсолютивом с суффиксом субъекта. Второе же предложение (5) вводит дополнение, меняя глагол на транзитивный. В таком случае агнс кодируется эргативным падежом, выраженным суффиксом «-м», а глагол изменяет форму субъекта первого предложения на субъектно-объектную, которая маркирована морфемой «-ѳа».

На основе представленного выше анализа мы можем утверждать, что эргативная конструкция требует полного наличия предикативной группы, что обуславливается использованием транзитивного глагола, а также особой формы глагола, которая маркировала бы переходность последнего. Важно отметить и то, что, в отличие от номинативного строя, где субъект преимущественно выражается номинативом, в эргативном строе субъект действия кодируется разными падежами, что зависит от характера глагола.

Также примечательна разница логической структуры предикативных групп в номинативном и эргативном строях. Так, если номинативный строй оформляет ядро предложения в соответствии с логической структурой высказывания, то есть формальная реализация предложения совпадает с логической, то эргативный строй нарушает данное соответствие: ведущую роль получает член высказывания в абсолютиве, хотя именно последний является логическим объектом действия. Таким образом, логическая структура предложения не совпадает с формальным оформлением предикативной группы.

Эргативная конструкция как конституирующий принцип построения предикативной группы в языках эргативного строя с большей типологической частотой встречается с ограниченной дистрибуцией. Так, зачастую эргативная конструкция возможна не во всех допустимых для определенной языковой системы случаях. В таких ситуациях применяется термин «расщепленная эргативность», который подразумевает оформление эргативной конструкции только при определенных словоформах задействованных лексем, в случае отсутствия чего языковая система требует номинативной конструкции. В качестве примера рассмотрим предложения (3) и (4) на грузинском языке [3, с. 10]:

(6)	<i>Kats-i</i>
человек-NOM
«Человек строит дом».	<i>sahl-s</i>
дом-ACC	<i>ašeneb-s.</i>
строить-3SG.PRS
(7)	<i>Kats-ma</i>
человек-ERG
«Человек построил дом».	<i>sahl-i</i>
дом-ABS	<i>aašen-a.</i>
строить-3SG.PST

В первом предложении корень «kats» оформлен в номинативе с помощью морфемы «-i», а транзитивный глагол «*ašenebs*» используется в презенсе — типичные показатели номинативного строя. Однако при изменении времени глагола на аорист при помощи вербальной морфемы «-i» меняет свою грамматическую форму и подлежащее: грамматический формант эргатива «-ma» замещает морфему номинатива «-i». Таким образом, мы можем утверждать, что в грузинском языке представлена лишь расщепленная эргативность, поскольку эргативное построение возможно лишь в предикативной группе в аористе. Ограничение дистрибуции возможно не только по категории времени, но и по категориям аспекта и наклонения [8, с. 70].

На фоне рассмотренных выше идей возникла и гипотеза Г. Х. Уленбека, согласно которой праиндоевропейский язык имел эргативный строй [7]. Данная гипотеза не была поддержана последующими исследователями и обычной практикой стала синтаксическая реконструкция праиндоевропейского языка в номинативном строе. Однако даже сегодня последние крупные исследования ставят под вопрос строй языка-основы. Так, известная работа Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [1] предполагает, что праиндоевропейский язык появился на Армянском нагорье, а одним из «центров» эргативной конструкции являются картвельские языки, которые распространены в этой области. Немаловажный вклад в развитие гипотезы эргативного строя в системе праиндоевропей-

ского языка внес Ю. С. Степанов в своей работе «Индоевропейское предложение», в которой предложения с неактивным агенсом рассматриваются как более поздние синтаксические образования. Согласно данной теории, оформление неактивного субъекта в номинативе является результатом персонификации в качестве художественного приема, который впоследствии закрепился в узусе, перестроив принципы кодирования глагольных актантов. Так, предложение типа «Солнце освещает землю» по своим принципам построения появилось позднее предложений типа «Солнцем освещается земля», поскольку некоторые типы лексем не могли встречаться в определенных синтаксических ролях [5, с. 15]. Предложения последнего типа соответствуют эргативной модели построения, поскольку агенс (солнце) оформляется в инструменталисе, в то время как пациенс (земля) получает форму номинатива.

Однако, несмотря на многочисленные гипотезы относительно эргативной природы праиндоевропейского языка, эргативность в качестве типологической закономерности обычно не рассматривается в тематическом поле индоевропейских языков, хотя ряд аномальных синтаксических конструкций в современных европейских языках позволяет допускать эргативное прошлое последних.

Так, в русском языке можно найти достаточно примеров, которые не соответствуют номинативной стратегии кодирования глагольных актантов. Рассмотрим несколько предложений на русском языке:

(8)	<i>Мальчик</i>
мальчик[NOM.1SG]	<i>чита-ет</i>
читать-1SG.PRS(TR)	<i>книг-у,</i>
книга-1SG.ACC
(9)	<i>У мальчик-а</i>
LOC мальчик-1SG.GEN	<i>есть</i>
есть-INF	<i>книг-а,</i>
книга-1SG.NOM
(10)	<i>Мальчик-у</i>
мальчик-1SG.DAT	<i>нравит-ся</i>
нравится-RFL[INTR]	<i>книга,</i>
книга-NOM.

языка: функцию падежа на себя берет предлог и фиксированный порядок слов. В данном случае также нет существенных отступлений от принципов номинативной конструкции кроме изменения порядка имен в предикативной группе, однако очевидно противоречие логического и формального выражения подлежащего и дополнения.

Нарушения в порядке слов без изменения стратегии кодирования глагольных актантов

(14) *Ей* *хоч-ет-ся*
3SG.F.DAT *хотеть-3SG.PRS-REFL*

и по принципу варьирования падежей приближается к эргативной. Представляется возможным провести параллель между аккумулятивом и абсолютивом, а также между дативом и эргативом, поскольку агенс данного примера выражен не главным падежом, а косвенным, в то время как дополнение сохраняет свой стандартный падеж.

Таким образом, представленные выше аномалии в грамматическом строе, а также их соответствия по составляющим рассматриваемых конструкций ставят серьезные вопросы о безоговорочной номинативности индоевропейских языков. Общие для современных индоевропейских языков структурные особенности предикации с самого начала как сравнительно-исторического языкознания в XIX в., так и с типологических исследований в XX в. рассматриваются в терминах номинативного строя, однако некоторые исследования обоснованно ставят под вопрос однозначную номинативную природу индоевропейских языков, что подтверждается рядом аномалий, имеющих параллели во многих языках индоевропейской семьи. Среди них выделяются следующие:

- 1) некоторые базовые конструкции индоевропейских языков нарушают закономерность оформления агенса в номинативе, а пациенса в аккумулятиве;
- 2) данные аномальные конструкции зачастую реализуются с предикатом, выра-

падежами не являются грамматической аномалией языка, однако в русском языке возможны предложения и вне оппозиции «прямой — косвенный падеж». Рассмотрим следующий пример.

В данном случае нарушается оппозиция «прямой — косвенный падеж»: подлежащее выражено местоимением «ей» в дативе, а дополнение — в аккумулятиве. Данное построение не соответствует номинативной конструкции

эт-у *конфет-у.*
DEM-1SG.ACC *конфета-1SG.ACC*

женным глаголом типа *verba sentiendi* или же глаголами состояния;

- 3) порядок слов в конструкциях с агенсом, оформленным в дативе, нарушает типологически характерный порядок слов «SVO», однако сохраняет позицию агенса в начале всей конструкции.

Представленные выше параллельные аномалии позволяют предположить, что номинативная стратегия глагольных актантов не являлась единственным способом оформления предикативности, а является либо результатом эволюции эргативного строя морфосинтаксических систем предыдущих языковых состояний, либо, наоборот, нарушения номинативного строя в отдельных конструкциях обусловлены эволюционными процессами современных языковых систем. Недостаток данных мертвых языков и данных диахронической типологии, отсутствие зафиксированного перехода из одного грамматического строя в другой, а также высокая вариативность синтаксических структур как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах не позволяют с высокой точностью доказать наличие эргативной конструкции в индоевропейских языках, однако структурные закономерности косвенно указывают на наличие последней в диахроническом аспекте.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Все примеры представлены в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
2. Климов Г. А. Номинативный строй // Лингвистический энциклопедический словарь М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 335–336.
3. Мещанинов И. И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 3–15.
4. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. 248 с.
5. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса М.: Прогресс, 1988. 656 с.
7. Уленбек Х. К. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 101–102.
8. Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 293 p.
9. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses / B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. Leipzig: [б. и.], 2015. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).

REFERENCES

1. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury: v 2 t. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1984. 1328 s.
2. Klimov G. A. Nominativnyj stroy // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 335–336.
3. Meshchaninov I. I. Osnovnye grammaticheskie formy ergativnogo stroya predlozheniya // Voprosy yazykoznavaniya. 1964. № 5. S. 3–15.
4. Meshchaninov I. I. Ergativnaya konstruktsiya v yazykah razlichnyh tipov. L.: Nauka, 1967. 248 s.
5. Stepanov Yu. S. Indoeuropeyskoe predlozhenie. M.: Nauka, 1989. 248 s.
6. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa M.: Progress, 1988. 656 s.
7. Ulenbek H. K. Agens i Patiens v padezhnoy sisteme indoeuropeyskih yazykov // Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1950. S. 101–102.
8. Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 293 p.
9. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses / B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. Leipzig: [б. и.], 2015. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).